

Евгений Карнович

Анна Ожельская

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Анна Ожельская

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Август II очень охотно и притом с большим приданным выдавал ещё и прежде своих побочных дочерей за поляков. Анна же была самая любимая его дочь; при браке с нею можно было надеяться на многое; для неё одной король поддерживал непомерную роскошь своего двора: ему весело было смотреть, как забавлялась его резвая Анна.

Таким образом, бедная, брошенная некогда сирота, а потом избалованная ветреница, сделалась одной из самых очаровательных женщин в целой Европе, и грех своего рождения и свой собственный прикрыла герцогской мантией...»

Евгений Петрович Карнович
Анна Ожельская

По смерти знаменитого освободителя Вены Пот от осады турок, Яна Собеского, храброго воина, но постоянно дававшего слишком много воли жене своей, Марии Казимире, – сел, в 1697 году, на польский престол курфюрст или электор саксонский Август, называемый у поляков вторым, так как у них, в ряду королей, считается первым Августом – Сигизмунд II Август.

Август II, или иначе Август Сильный, при избрании своём в короли польские, был ещё очень молод; он был прекрасен собою и одарён исполинской силой. С этими качествами он соединял в себе безграничную доброту, вечную весёлость, откровенность и великодушие. Молодой король любил в это время всего более пышность, рыцарские забавы и женщин.

Обладая огромными наследственными богатствами, король очень легко мог удовлетворять свою страсть к пышности; и действительно, вскоре двор короля-курфюрста затмил своим великолепием и блеском все европейские дворы того времени.

Страсти к рыцарским забавам Август II,

при своём богатстве, мог дать полную свободу, что он и сделал; а потому блестящие турниры и многолюдные карусели привлекали постоянно толпу гостей и в Варшаву, и в Дрезден. Золото лилось рекою для устройства этих празднеств.

Затем оставалось Августу II удовлетворять ещё одну, но зато самую сильную, страсть его, – именно страсть к молоденьким и хорошеньким женщинам, и мы сейчас увидим, что судьба, слишком уже благосклонная к Августу, дала ему всевозможные средства и все способы также и для того, чтоб он мог иметь верные и постоянные успехи у женщин.

Правда, в средние годы жизни, у короля польского Августа II явилась ещё новая страсть, а именно: непомерная и трудно удовлетворяемая жажда к венгерскому вину, требовавшая частых и продолжительных попок, которые представляли какое-то рыцарское состязание между королём и его собеседниками. Впрочем, к этому приучила его Польша; но в то время, о котором идёт речь в нашем рассказе, вино не составляло для молодого короля ни потребности, ни развлечения: ему

прежде всего нужны были женщины и женщины...

Едва ли кто из смертных одерживал над ними такой длинный ряд блестящих побед, какими означил своё земное бытие государь Саксонии и Польши, этих двух стран, где, по молве народной, всего больше красавиц: "Man sagt in Sachsen schöne Mädchen wachsen", говорят глубокомысленные немцы. "Нет на свете царицы, краше польской девицы" [1], сказал Пушкин, переводя одну из баллад Мицкевича, в которой идёт речь о красоте полек; и надобно сказать правду, что в этих случаях не ошиблись ни немцы, ни славяне.

Но кроме удобства местностей, которые сами по себе представляют такой обильный урожай красавиц, и над которыми прихотливая судьба определила царствовать государю-волоките, Август II сам по себе имел всё то, что нравится женщинам в мужчине, и без королевской короны и без электорской шапки. Мы сказали прежде, что он был щедр, окружён великолепием, всегда более или менее обаятельно действующим на каждую женщину; скажем теперь, что он кроме того

имел необыкновенный дар нравиться вообще кому бы то ни было, а тем более прекрасному полу, как своим обращением, так и своею приветливостью. Он, если хотите, был, по-видимому, в одно и то же время, каким-то средневековым рыцарем, умевшим на словах высоко ценить каждую женскую добродетель, и дон Жуаном, не щадившим на деле ничьего целомудрия. Трудно было устоять самой твердой добродетели против исканий Августа: одних женщин он быстро увлекал своею восторженностью, других исподволь одолевал своею притворной холодностью.

Надобно впрочем сказать, что и без заискиваний со стороны Августа, польки сходили от него с ума. Многие из них, боясь своей девической гибели, или страшась расстроить своё семейное счастье, усиливались скрывать свою любовь к королю; но он тотчас угадывал её. Король как будто подслушивал и сдержанные вздохи, и неровный трепет сердца, которые он возбуждал при своём появлении, под крепкими корсетами варшавских красавиц. Но ни корсеты, в то время твёрдые как панцири, ни неприступные фижмы, вошедшие в то

время в моду у польских дам, не были надёжною защитою для женщин против покушений Августа II.

Однако король, как и вообще все люди, чрезмерно балованные постоянным счастьем, не знал истинной цены своим дорогим завоеваниям: он скоро оставлял их, и одна любовь быстро сменялась другою. Король очень легко забывал и горячие слёзы, и страстные объятия, и жгучие поцелуи оставленных им красавиц; но долго помнили его они, долго они вздыхали о своём прекрасном обольстителе и долго ещё ссорились с своими более счастливыми соперницами, которым, впрочем, неизбежно предстояла та же самая участь.

Надобно однако заметить, что в небезгрешных завоеваниях блистательного короля-курфюрста должно было встретиться одно, по-видимому, неодолимое препятствие, это — чистота польских нравов.

В прежнее время, супружества в Польше были вообще безукоризненны; и если порою лукавому удавалось как-нибудь попутать постоянно-верную жену, то она неиссякаемыми

слезами и вечным раскаянием хотела стереть такое пятно в своей супружеской жизни. Но, несмотря однако ни на слёзы, ни на сокрушения грешницы, женщины, которым без особого искушения со стороны лукавого удалось сохранить неизменную верность к своим мужьям, с презрением смотрели на падшую добродетель, подавшую собою пример небывалого соблазна. Однако в первые годы XVIII века, стали исчезать эти условия семейной жизни в Польше. Женщины в эту пору начали подражать многим иноземным обычаям, а в числе их и тому, который допускает, кроме постоянной, обязательной супружеской любви, ещё любовь другого рода.

Женщины и девушки в то время, о котором идёт теперь речь, не скрывались уже, как это было прежде, со своими пылкими, сердечными чувствами, в отдалённых покоях мужчины или родительского дома; напротив, они, следуя новым обычаям, стали свободно являться в общество и среди него, без всякого стеснения, обнаруживать свои душевные порывы и свои сердечные влечения. Они начали с прихотливым искусством убирать воло-

сы, заботливо выбирать цвета одежды, которые бы шли к лицу, начали стягивать талии, смеяться, танцевать, пудриться, веселиться, любезничать и всё это стали они делать с единственной целью понравиться мужчинам.

Если же порою начинали подозревать замужних женщин в неточном исполнении ими всех супружеских обязанностей, то они много что краснели, но вовсе не думали плакать навзрыд, как ревела некогда старуха Ядвига, королева Польская, когда некто Гневош Далевич насплетничал на неё её мужу, королю Ягелло, будто она тайком от него продержала несколько недель в своём замке проезжавшего через Польшу молодого и красивого австрийского герцога. Польские дамы времён Августа II не требовали от своих клеветников, для восстановления своей доброй славы, – ни явных улик, ни сознания в клевете, как это сделала Ядвига с долготычным паном Далевичем, которого целомудренная и невинно оклеветанная королева заставила, в наказание за запятнание её супружеской чести, залезть под лавку, и оттуда, подражая собачье-

му лаю, просить прощения за оскорбление нанесённое им невинной женщине.

Польские пани времён Августа II громко смеялись над выдумкою простодушной Ядви́ги. Ни одной из них не приходило в хорошенькую головку обращаться к такому замысловатому возмездию для восстановления их доброй славы, в случае напрасных наговоров. Напротив, многие из них хвалились, что они не только в молодости заставляли мужчин любить их без ума, но гордились ещё и тем, что они, несмотря на своё увядание, умеют, если захотят, прельстить своими прелестями – как пылких юношей, так и охладевших уже стариков. Такое изменение прежних семейных нравов началось прежде всего в высших слоях польского общества и оттуда стало постепенно опускаться в низшие его слои. В то время, к которому относится наш рассказ, по замечанию одной хроники, у польских дам высшего круга была "скромность без стыда".

Среди общества таких женщин суждено было явиться Анне Ожельской; она была замечательна не как историческая личность,

но как одно из самых хороших личек, когда-либо существовавших в поднебесной; кроме того надобно добавить, что с воспоминанием об этом хорошем личике связан рассказ и о странной игре случая.

В некоторых библиотеках, впрочем в весьма немногих, можно найти не слишком большую книжку, изданную в 1735 году, в Амстердаме, под заглавием: "La Saxe Galante". Трудно сказать положительно, что было причиною редкости этой книжки в настоящее время. Должно однако заметить, что автор её неизвестен; но судя по слишком подробным описаниям некоторых случаев из жизни Августа II, короля польского, надобно с полною вероятностью заключить, что упомянутая книжка была написана лицом, весьма близким к этому государю; по всему видно, что неизвестный её автор жил очень долгое время с тем лицом, похождения которого он так подробно описывал. Книжка под заглавием: "La Saxe Galante", в любовной истории сильных мира сего, особенно замечательна тем, что она описывает все похождения короля-курфюрста, как знаменитого покорителя женских сердец,

без всяких, между прочим, даже самых кратких рассказов о его подвигах, как государя Саксонии, Польши и Литвы. О политике в этой книжке нет ни полслова. Быть может, это самое обстоятельство и есть одна из главных причин, почему упомянутая книжка читается легко и приятно, как занимательная повесть, хотя, надобно сказать правду, и не слишком скромного содержания.

Автор этой книжки начинает историю любовных похождения своего царственного героя с поездки его в Испанию, где он, во время самого жаркого, самого ожесточённого боя быков, успел влюбиться без памяти в смуглую и черноокую дочь Андалузии, графиню де Мансера. Далее в этой книжке следуют рассказы о длинной веренице разноплеменных красавиц, которые дарили Августу восторженные мгновенья и под южным, и под северным небом.

Но если неизвестный автор книги "La Saxe Galante" позаботился рассказать потомству о такого рода подвигах Августа II и постарался подробно передать его блестящие победы и над брюнетками, и над блондинками, и даже

над рыженькими, то и сам король, не менее почтенного автора, хлопотал о том, чтоб увековечить память своих многочисленных завоеваний.

Чтоб вернее достигнуть этого, он в своём дрезденском дворце посвятил особенную, обширную залу для сохранения памятников своих сердечных завоеваний. Зала эта и доныне наполнена портретами хорошеньких женщин, преимущественно же польских красавиц; все эти женские личики, смотря на любопытного посетителя из своих золочёных рам, веют на него какую-то чудною, какую-то обаятельной негой. Август II увозил в свой дрезденский дворец портреты всех женщин, в которых он влюблялся, и влюблялся, конечно, с полным успехом. Из этих-то портретов он составил значительную картинную галерею, воспетую известным чешским поэтом Колларом.

В числе этих портретов вы встретите один, на котором в особенности остановится ваше долгое, невольное внимание. Трудно изобразить пером всё то, что передала полотну искусная кисть художника. Скажем только, что

портрет этот был снят с Генриетты Дюваль, француженки, родившейся в Варшаве, и что прелестная Генриетта, по сказанию одних биографов, была седьмою, а по сказанию других семнадцатою любовницею Августа II. Впрочем, надобно заметить, что как первое, так и последнее известие заслуживает одинаковую вероятность, счёт не служит ни малейшим препятствием ни в том, ни в другом случае, потому что число всех женщин, которых любил Август, и которые ему платили тем же, далеко, как видно из числа портретов, превосходит не только 17, но и 117.

Конечно, в pendant к портретной галерее побеждённых красавиц не мешало бы Августу II, для более точных воспоминаний, составить ещё и другую дополнительную коллекцию портретов тех личностей, которые носили рога, полученные ими по милости короля; но король пощадил этих несчастливцев, и потому на вас со стен этой галереи – то весело, то задумчиво, то лукаво, то простодушно смотрят одни только хорошенькие личики. Среди них вам самим делается и приятно и грустно, и вы сами готовы и лукавить, и хит-

рить, и веселиться, и задумываться.

Пора однако сказать, что влюбчивый Август не был холост, а в свою очередь испытал радости супружеской жизни, сочетавшись браком с принцессою Христиной Бранденбургской. Однако нельзя умолчать и о том, что сама судьба покровительствовала королю, облегчив его брачные узы тем, что вследствие некоторых обстоятельств, о которых мы сейчас скажем, королева не была ни малейшей помехой любовным развлечениям своего мужа.

Надобно заметить, что королева Христина была самая ревностная лютеранка, и что она поэтому ни под каким предлогом не хотела жить в Варшаве, в городе, в то время, истинно-католическом. При том и сам Август для того, чтоб пользоваться в небытность своей жены полной свободой, внушил своей супруге и полякам, желавшим, чтоб королева жила в Варшаве (с целью, чтоб при дворе королевском могли бывать их жёны и дочери), что не совсем будет, по его мнению, хорошо, если государыня-иноверка изберёт для постоянного своего местопребывания столицу католиче-

ского государства. Поляки поняли однако хитрость короля; они смекнули, что в отсутствие королевы расходы Августа легко могут увеличиться по таким статьям, без которых он мог бы обойтись, если б не расставался на долгое время с своею женою, и потому тарноградская конфедерация формально, вооружённою рукою, потребовала, чтоб королева немедленно оставила Дрезден и переехала на постоянное жительство в Варшаву. Август умел однако противостоять этому требованию с неодолимым упорством.

Между тем в то время, когда Август II с таким мужеством отстаивал свою личную свободу от бдительного надзора супруги, он сам не заметил, как он попался в строгую опеку к одному из тех милостивых созданий, портреты которых он отправлял в свою дрезденскую галерею. Строгим и неумолимым опекуном Августа – сделалась прекрасная графиня Козель.

Известно почти всем и каждому, что всего зорче смотрит глаз влюблённой и честолюбивой женщины, а между тем молоденькая графиня Козель была влюблена в Августа до-

нельзя. Кроме того, умненькая графиня сумела получить над королём безграничную власть и, пользуясь ею, вынудила от него тайное письменное обязательство вступить с нею в брак, если бы (чего Боже сохрани!), к сожалению всех подданных короля-курфюрста, пресеклись драгоценные дни его супруги.

Устроив свою будущность таким образом, графиня Козель, чтоб как можно вернее удержать в своих хорошеньких ручках летучее сердце Августа, учредила над его особой самый строгий, самый неусыпный надзор, дав королю в бессменные адъютанты своего родного брата. С этой поры, графиня совершенно успокоилась насчёт короля: она была вполне уверена, что ей будет известен каждый его шаг, и твёрдо надеялась на то, что зло, как бы оно само по себе ужасно ни было, может быть однако легко уничтожено, если только захватить его в самом начале, не давая ему развиться. Но обыкновенно расчёты человеческие бывают почти всегда крайне неосновательны и большею частью всегда ошибочны. Это же самое случилось и теперь, потому что тот, кто должен был сделаться неподкупным

и неусыпным блюстителем верности короля к графине, – тот самый сделался и первым его искусителем.

Брат графини Козель был молодой человек, всюю душою привязавшийся к королю и любивший вместе с тем хорошенько пожить, чему впрочем очень часто или, вернее сказать, почти всегда препятствовал недостаток собственных его денежных средств, и потому он искал разного рода утех и забав преимущественно насчёт королевской шкатулки.

– Где ты бываешь каждый день по вечерам? – спросил однажды король своего адъютанта, – я тебя с некоторого времени что-то очень редко вижу у себя во дворце.

Адъютант замялся.

– Верно снова удалось тебе отыскать какую-нибудь красавицу? – смеясь, продолжал король. – Ты, я знаю, всегда был счастлив в этом отношении.

– Только не в настоящее время, ваше величество, – отвечал брат графини Козель, пользуясь разговорчивостью короля.

– А что, видно ты опять без денег?

– Конечно, ваше величество, неимение де-

нег мешает исполнению многих предприятий; но в настоящем случае едва ли можно будет успеть и при их помощи.

– А что? разве предмет твоей теперешней страсти уже слишком недоступен? – спросил король с заметным любопытством.

– Испытайте сами, ваше величество, – отвечал адъютант, – и вы разрешите сделанный мне вами вопрос.

Тогда король начал допытываться у своего адъютанта о том, кто такая была эта недоступная красавица, и наконец узнал, что вся варшавская молодёжь сходила с ума от дочери французского виноторговца Дюваля – Генриетты.

Король почувствовал неодолимое желание хоть раз взглянуть на Генриетту; но нелегко было это сделать при неусыпном за ним надзоре графини Козель. Чтоб достигнуть желанной цели, король заговорил с братом графини окольными путями о своём намерении только взглянуть на Генриетту. Король уверял своего адъютанта, что он желает это сделать вовсе не с какою-либо предосудительною целью, но из одного только любопытства, чтоб

самому иметь возможность убедиться, до чего может доходить красота женщины. Уверившись же, во время этого разговора, в преданности к себе и в скромности приставленного к нему шпиона, король решился взглянуть на Генриетту.

Август II, переодевшись в платье саксонского офицера, отправился с своим адъютантом в погребок к Дювалю. Едва только его величество увидел Генриетту, как должен был сознаться, что Варшава не даром дала ей название первой красавицы. Действительно, семнадцатилетняя Генриетта Дюваль была хороша, как пучок махровых, только что сорванных роз, спрыснутых летним дождиком, и король Август, отличный знаток женской красоты, тотчас увидел, что дочь Дюваля имеет полное право украсить своим личиком галерею, составляемую в Дрездене заботою его величества о процветании художеств среди управляемых им народов.

Адъютант короля горько обманул доверие, оказанное ему его сестрой-ревнивицей; он умел повести дело так искусно, что Генриетта, в мундире офицера польских войск, яви-

лась на другой день в королевский замок, для получения от его величества особых секретных приказаний. Приказания эти несомненно были особенной важности; но странно было только то, что после нескольких поручений, данных королём молодому офицеру и по прошествии известного срока, король без всякого изумления узнал, что являвшийся к нему офицер сделался не отцом, а матерью младенца, окрещённого под именем Анны. По сведениям же, полученным в то время графиню Козель, оказалось, что мать новорождённой девочки была Генриетта Дюваль.

Замечательно, что Генриетта и сама графиня подарили Августу по дочери в один и тот же день 1702 года.

Дочь графини Козель росла в изобилии и роскоши, потому что её воспитывали как дочь короля; но грустна была судьба Анны. Надобно заметить, что Август II чрезвычайно любил своих побочных детей, и по всей вероятности дочь Генриетты сделалась бы предметом его постоянных и нежных забот, если бы обстоятельства не были против Анны. Но горе стало преследовать малютку с пелёнок.

Война со шведами разгоралась год от году всё сильнее и сильнее. Не раз принуждён был бегать Август II из города в город, почти по пятам преследуемый своим неутомимым соперником Карлом XII, любимцем военного счастья. Эти обстоятельства не позволяли королю заняться участью Анны; притом мать её вскоре умерла, испытывая страшную нищету. В семействе Дювалей, после смерти Генриетты, не осталось никаких доказательств, которые давали бы им хотя некоторое право обратиться к королю с просьбою об устройстве судьбы несчастной Анны.

Между тем год проходил за годом. Анна росла в доме своего деда и хорошела с каждым днём; а король из красивого юноши сделался прекрасным мужчиной; но прошла вторая его молодость и незаметными шагами стала приближаться старость к Августу II. Часто король, в бытность свою в Дрездене, долго с грустною задумчивостью останавливался перед портретом Генриетты; кто знает, быть может он представлял себе в это время и её забытую всеми могилу, и брошенную на произвол судьбы бедную сироту, в которой текла

его королевская кровь.

Все замечали грустное настроение короля. Дворец его пустел мало-помалу. Смолкли в нём весёлые игры, не раздавался уже в нём звонкий и беззаботный смех красавиц, как это бывало в прежние годы. Но вдруг всё переменялось: во дворце короля, неизвестно откуда, явилась прелестная лет двадцати девушка, и все начали говорить, что это, по всей вероятности, будет уже последняя, но зато самая сильная привязанность короля, который стал боготворить эту девушку и приказал называть её во всех актах Анной Ожельской.

Крепко ошиблись однако те, которые предполагали грешную любовь в любви короля к Анне, потому что она, как это сделалось вскоре известно, была его дочь; но только долгое время скрывалась от всех тайна её рождения. Статься может, что жребий Анны был бы самый печальный, если б в её бедной доле не принял самое горячее участие граф Рутовский.

Граф Рутовский был побочный сын короля Августа от пленной турчанки Фатимы; он

был годами двумя старше Анны, и в то время, о котором теперь идёт речь, командовал полком королевской гвардии и отличался редкою добротою сердца. Узнав из глухой молвы о существовании в Варшаве, в семействе Дювалей, забытой дочери своего отца, граф отыскал подраставшую Анну и захотел устроить её будущую судьбу, а вместе с тем и обрадовать своего отца находкою потерянной им дочери.

Не объявляя Анне тайны её рождения, Рутковский употребил все средства для того, чтобы дать ей воспитание, сообразное с тем положением, которое ожидало её в будущем, и не желая, в случае нерасположения к ней её отца, расстроить все мечтания, которые должны были родиться в голове бедной девушки при мысли, что она имеет право называть себя королевскою дочерью, граф, под разными предлогами, уговорил Анну надеть офицерский мундир того полка, которым он командовал, и явиться в рядах этого полка на королевский смотр.

День смотра наступил. Король с сумрачным лицом ехал по рядам того полка, кото-

рым командовал Рутовский, и вдруг с радостным изумлением остановился перед одним молоденьким офицером. Король сделал несколько шагов далее, но не мог удержаться, чтобы не поворотить назад своего коня и не подъехать снова к тому месту, где стоял молоденький офицер, на которого он посмотрел с таким изумлением.

"Нет!.. это не призрак... это она – Генриетта Дюваль, и в том самом мундире, в котором она, двадцать лет тому назад, пришла ко мне в первый раз", – подумал про себя Август и взволнованный, не спуская глаз с молодого офицера, он отъехал в сторону и подозвал к себе графа Рутовского. Видно было, что король, говоря с графом, в одно и то же время сдерживал и радость и слёзы. Ему было не до смотря: он нашёл свою дочь, – живой портрет Генриетты Дюваль.

Прошло весьма немного дней после этого смотря, и королевский замок в Варшаве ожил опять, с появлением в нём Анны Ожельской, которую спустя несколько времени он признал своею дочерью. Семейное же прозвание для Анны король позаимствовал

от польского слова orzeł (ожел), что значит по-русски орёл, желая тем показать, что Анна по рождению своему принадлежит Польше, так как польским гербом был белый одноглавый орёл.

Король хотел, чтобы Анна пользовалась всеми правами его дочери; поэтому залы королевского дворца были отделаны заново; в них начались блестящие балы, напомнившие Варшаве пышную и шумную молодость короля-курфюрста. Сначала польские матроны не совсем охотно отправлялись на эти балы, на которых не только хозяйкою, но и царицею была очаровательная Анна. Но зато от молодёжи решительно не было отбою: что только было в ней лучшего, – спешило с радостью на гостеприимный зов короля, чтоб любоваться его Анной, и конечно многие из среды этой молодёжи, а статья может и немало стариков, мечтали о счастье сделаться мужем Ожельской.

Август II очень охотно и притом с большим приданым выдавал ещё и прежде своих побочных дочерей за поляков. Анна же была самая любимая его дочь; при браке с нею

можно было надеяться на многое; для неё одной король поддерживал непомерную роскошь своего двора: ему весело было смотреть, как забавлялась его резвая Анна.

Между тем в огромной толпе вздыхателей, окружавших Анну, явился один молодой человек Цетнер, из фамилии немецкого происхождения, но ещё в давних времена поселившейся в Польше. Он был счастливый избранник Анны. Брак с ним был возможен, но на Анну уже повеяла нравственная порча того времени. Она нисколько не скрывала своей любви к Цетнеру, и он являлся всюду, где только была Анна; но Анна хотела прежде всего пользоваться полною свободой и не решалась стеснять себя узами брака. Долго ли противилась она исканиям Цетнера, определить нельзя; но известно только то, что в 1729 году она сделалась от него матерью.

Впрочем, всё это уладилось и легко и скоро: около этого времени явился в Варшаве один из иностранных принцев; родословное его древо терялось своею широко разросшейся вершиной чуть ли не в самых облаках; но фамилия, к которой он принадлежал, владела

каким-то микроскопическим государством. Последнее обстоятельство заставляло недостаточного принца искать, по обычаю того времени, службы на чужой стороне, если не с чином генерала, то по крайней мере хоть бы с чином полковника. При стеснённом положении домашних дел принца, такая богатая невеста, как Анна Ожельская, была для него давно желанною находкой, а сама Анна, утомившись рассеянною жизнью, хотела семейного покоя.

Скоро сватовство окончилось браком, совершённым в Дрездене с необыкновенным великолепием, в присутствии двух королей и многих владетельных герцогов и князей.

Таким образом, бедная, заброшенная некогда сирота, а потом избалованная ветреница, сделалась одной из самых очаровательных женщин в целой Европе, и грех своего рождения и свой собственный прикрыла герцогской мантией.

Примечания

Мицкевич А. «Будрыс и его сыновья».

[^^^]